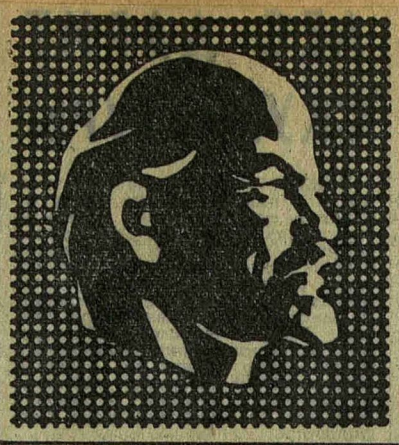
«Литературная газета» Июнь 1969



От портрета к характеру

Образ В. И. Ленина в искусстве

ОБРАЗ великого вождя Октябрьской революции, чьи идеи и сегодня зовут нас вперед, жив в памяти народной. Но мы можем и непосредственно сопереживать, видеть, слышать как бы живого Ленина — благодаря чудодейственной силе искусства сцены и экрана, способного воссоздать ленинский образ во всей его жизненной правде и эмоциональной выразительности.

Всем известны лучшие произведения сценической и кинематографической Ленинианы, созданные талантливыми драматургами, режиссерами, актерами. Большая Ленинниана советского театра и кино началась через двадцать лет после победы Октября. Но первые попытки отражения ленинской темы делались и раньше — ленинская, историко-революционная тема, по существу, ровесница Октябрьской революции.

Авторы самых ранних советских пьес так или иначе стремились отметить выдающуюся роль Ленина как вождя социалистической революции. В одних пьесах лишь упоминалось его имя. В других тема Ленина развертывалась более широко — через воспоминания, которыми делились действующие лица, из их рассказа о Владимире Ильиче.

В первые советские годы весьма активен был самодеятельный клубный театр. На долю клубных драматических коллективов, студий, кружков выпала задача удовлетворить потребности самого массового зрителя.

Некоторые авторы и режиссеры уже тогда стремились дополнить сценическое повествование звучащими, хотя бы и за сценой, словами самого Ленина, вынести на сцену его фотографию или дать силуэтное изображение.

Уже в ту пору были попытки и непосредственно показать Ленина — с выходом на сцену исполнителя в облике Владимира Ильича.

Можно назвать, например, сценическую импровизацию «Тревожные дни», поставленную в 1921 году в петроградской студии В. В. Шимановского. Спектакль воспроизводил эпизоды октября 1917 года, когда шпики Временного правительства пытались выследить и арестовать Ленина. Другой из ранних попыток явилась постановка «Гибель самодержавия», осуществленная в Кремле самодеятельным коллективом курсантов военной школы имени ВЦИК в феврале 1924 года.

Следует отметить и выступления молодого тогда артиста Владимира Яхонтова с литературным монтажом «Владимир Ильич Ленин» (1925) — первое принципиально значительное обращение профессионального актера к ленинской теме.

Литературный монтаж Яхонтова состоял из подлинных ленинских документов — речей и статей, а также из отрывков художественной прозы, воспоминаний о Ленине, народных песен, стихов, среди которых видное место занимали фрагменты из поэмы Маяковского о Ленине. В основу композиции легли главные этапы деятельности великого вождя.

Соединяя публицистический и литературный тексты, Яхонтов шел к выявлению масштабности ленинских идей, величия бессмертного ленинского дела-подвига. Художническая смелость Яхонтова проявилась в том, что он по ходу чтения скупыми намеками на ленинский жест, походку, вызывал в представлении зрителей памятный образ Ильича.

Характерно, что одна из ранних попыток воспроизвести на сцене и экране зримый облик Ленина была осуществлена с помощью статиста — не профессионального актера, а человека внешне очень похожего на Ленина. Им оказался рабочий В. Никандров. Его снимали С. Эйзенштейн в картине «Октябрь» и Б. Барнет в фильме «Москва в Октябре», вышедших на экраны в 1927 году. Никандров был приглашен участвовать и в постановке пьесы-хроники Н. Суханова и И. Платона «1917 год», осуществленной Малым театром к десятилетию Октября. Такой выбор был продиктован боязнью хоть какой-то искусственности в изображении Ильича. Режиссеры не допускали мысли о профессиональном актере в гриме — им казалось, что это обернется фальшью, «наигрышем». Но «натурщик» смог выполнить свою роль лишь в чисто зрелищном смысле. Ни характера, ни духовного содержания образа такой исполнитель выразить не мог.

Подлинное начало Ленинианы связано с решимостью драматургов не только говорить о Ленине устами других персонажей, но дать слово и живое действие ему самому, с решимостью режиссуры привлечь к делу больших актеров — мастеров сценического перевоплощения. Не только нарисовать портрет, но идти к постижению ленинского характера, внутреннего мира. Лишь тогда ленинский образ стал зримой правдой искусства сцены и экрана.

Художественное воплощение ленинского образа советский зритель увидел в предвоенные годы в спектаклях «Человек с ружьем» Н. Погодина и «Правда» А. Корнейчука, в фильмах «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» А. Каплера и М. Ромма, в картине С. Юткевича «Человек с ружьем», снятой по погодинскому сценарию. В этих спектаклях и фильмах исполнителями роли Владимира Ильича выступили Борис Щукин и Максим Штраух.

Даже такому большому мастеру, как Щукин, очень непросто было перевоплотиться в Ильича, зажить его жизнью. Актер понимал, что в ленинском образе он должен как бы олицетворять дух революционного народа, партии, ленинизма. Типизировать важнейшие политические понятия, философские категории — революционности, исторической правды, народного идеала.

Для Щукина главным в Ленине был подъем чувств, радостные озарения. В народе, в стране совершалось необычное, обновляющее, и Ленин Щукина жил этим необычным, руководил этим обновлением. Он вдохновлялся сам и вдохновлял других.

Кипучую, деятельную натуру Владимира Ильича Щукин передавал экспрессивно, увлеченно. Но его Ленин нигде не вставал на пьедестал — даже в «трибунных» сценах. Щукин не допускал металла в голосе, поучающих интонаций в речи, властного жеста. О нем мало было сказать — прост. Его Ильич был приветлив, обаятельно скромен.

Так — с единомышленниками, друзьями, помощниками, с простыми трудовыми людьми. Но иначе — с политическими противниками, с теми, кто предает революцию, встает на ее пути. Презрение, ирония, гнев — другая сфера эмоций Ленина — Щукина.

В одухотворенном начале, которое исходило от Щукина, которое вносил он в постановку погодинской пьесы и фильмы Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», заключалась особая творческая радость для тех, кто работал рядом с ним и кто поистине мог считать его сотворцом своих произведений.

Для Щукина образ Ленина стал вершиной творчества и одновременно поистине художническим подвигом. Работа над образом Ленина составила яркие страницы творческой биографии и других выдающихся советских актеров — М. Штрауха, А. Бучмы, В. Софронова, К. Скоробогатова, В. Вагаршяна.

Общим для лучших исполнителей ленинской роли было глубокое мастерство психологического перевоплощения, внутреннего вживания в образ. Общим было стремление выразить величие и масштаб героя. В то же время каждый из них, имея много «за душой», мог немало вложить в образ своего, личного, вытекавшего из индивидуальных данных, опыта, склада своей человеческой и актерской натуры.

Уже в самом процессе подготовки, изучения материала проявлялась индивидуальность. В том, например, факте, что Бучма работал над грамзаписями ленинских речей вместе с композитором. У него особый интерес к «музыкальной» стороне речи был связан с тем, что ленинские слова ему предстояло произносить по-украински. «Мы почти писали ноты, делали схемы интонаций, модуляций, — рассказывал актер. — Наконец создали некую схему речи Ленина, но под эту схему никак не ложился украинский текст. От «схемы» пришлось отказаться. Оставили только некоторую интонационную окраску и еле уловимый оттенок русской речи». Бучма первым отказался и от грассирования. Он воспроизводил эту особенность ленинской речи лишь в первых словах роли.

М. Штраух был исполнителем роли Ленина в спектакле Театра Революции «Правда», в картине С. Юткевича «Человек с ружьем», а позднее и в ряде других фильмов.

Штраух — в высокой степени интеллигентный, интеллектуальный актер. И это явственно проступило в созданном им ленинском образе, определив его внутреннее содержание и особую впечатляющую силу.

Первые исполнители роли Ленина очень тщательно заботились о портретном сходстве. К делу привлекались опытнейшие гримеры. Забота о внешнем облике диктовалась не только тем, чтобы зритель с первого появления героя поверил в непреложность изображаемого. Такое сходство необходимо было и самому актеру, чтобы обрести нужное самочувствие.

Изучение ленинских фотографий, документальных кинокадров, картин художников, скульптурных изображений Владимира Ильича стало непременным этапом подготовительной работы для каждого исполнителя. И конечно — углубленное изучение ленинских трудов, посещение музея Ленина, встречи с людьми, лично знавшими Владимира Ильича. Актеру важен разный материал — и тот, который относится к внешнему, видимому в Ильиче, и тот, который ведет к познанию его душевного мира.

ОТ ПОРТРЕТА путь поисков вел к характеру.

Актер должен органически входить в образ, жить в нем.

Штраух шел к образу как актер-исследователь. Эти качества исполнителя с еще большей полнотой раскрылись в его работах 50—60-х годов: в «Рассказах о Ленине» и в другом фильме С. Юткевича — «Ленин в Польше». Красота одухотворенности и «бытовая» душевность, высокий интеллектуализм и человечная простота, ясность — для всего этого в богатой артистической палитре Штрауха нашлось много впечатляющих красок.

Выдающимся актерским достижением Ленинианы явилось выступление Б. Смирнова в мхатовских постановках пьес Н. Погодина. По собственному признанию драматурга, своим появлением на свет «Третья, патетическая» во многом обязана Б. Смирнову. В спектакле «Кремлевские куранты» он «показал такое глубокое проникновение в характер, что хотелось вместе с актером идти дальше, приподнимая все новые и новые пласты могучей, неисчерпаемой натуры... — говорил Погодин. — Я понимал, что Смирнов может показать человека вечно напряженной мысли, сумеет раскрыть исторический масштаб ленинской натуры».

И актер блестяще оправдал надежды драматурга. Мудрость стратега и чуткость воспитателя, непреклонность воли и действенная сила гуманизма — все это у Б. Смирнова сплавлено воедино.

В спектакле «Третья, патетическая» особенно впечатляющи у Б. Смирнова сцены в Горках и кремлевском кабинете, где Ленин предстает во всей человеческой непосредственности и одновременно необъятной масштабности своего многогранного и монолитного характера. Для актера оказалось очень близким в Ленине то, что Погодин определил в нем словами Уэллса — «кремлевский мечтатель»: дальний загляд вперед, то высокое, поэтическое, что рождалось в Ленине—Смирнове из скрещения лирического, духовного и молниеносных озарений. Это был романтический Ленин.

Волевого, целеустремленного Ленина воплощал В. Честноков. Ленин наедине со зрителем, с глазу на глаз — с такой сложной задачей мастерски справился В. Честноков в спектакле Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина «Между ливнями». На сцене Ленин один, но незримые нити прочно связывают его со многими людьми. Он как бы обращается то к одному, то к другому: к Милютину и Луначарскому, Бонч-Бруевичу и Дыбенко, Кржижановскому и Красину, Крыленко и Тухачевскому. Так раздвигаются пределы «камерности». Думы Ленина дают спектаклю масштаб историзма.

Ленин глубоко и чутко оценивает случившееся в Кронштадте. Он видит и вину, и беду кронштадтцев. Реальный политик, смело смотрящий в глаза правде, как бы тяжела она ни была, сильный правдой — таким был вождь революции в этом спектакле. Ленин в исполнении В. Честнокова человечен в своей житейской непосредственности. Но прежде всего — он человечен как мыслитель, как руководитель революционного государства.

Интересные, хотя и не во всем бесспорные решения ленинского образа дали актеры М. Кузнецов, Н. Провоторов, И. Смоктуновский, В. Краснов, Ю. Каюров.

Советские художники продолжают Ленинниану. В лучших актерских работах на сцене и в кино торжествует ленинская правда, правда нашей идущей вперед жизни.

Н. ЗАЙЦЕВ